

Иван Иванович Савин

Валаамские скиты

Иван Иванович Савин

Валаамские скиты

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2371355*

Аннотация

«Хорошо на скитах! Величественная дикость природы, отдаленный гул Ладоги, невозмутимое спокойствие огромных сосен, скалы, скалы, скалы... Далеко монастырь. Близко небо. Легко дышится здесь, и молиться легко... Много, очень много на Валааме пустынь и скитов, близких и далеких, древних и новопоставленных...»

Иван Савин

Валаамские скиты

Хорошо на скитах! Величественная дикость природы, отдаленный гул Ладоги, невозмутимое спокойствие огромных сосен, скалы, скалы, скалы... Далеко монастырь. Близко небо. Легко дышится здесь, и молиться легко... Много, очень много на Валааме пустынь и скитов, близких и далеких, древних и новопоставленных.

За десять дней пребывания своего в монастыре, я побывал уже на всех, на некоторые тянет ещё – такая красота и святость. Разве расскажешь обо всем?.. Когда вы въезжаете с Ладоги в монастырский залив – как раз в этом месте голубой пароход «Сергий» поёт звонким баритоном – слева зеленеет остров. Это скит св. Николая. На отлоге вершине его когда-то стояла высокая часовня-маяк. В бурю, в окнах ее вспыхивали синие и красные огни, указывая путь в обитель. Теперь на скале небольшой богатый храм, сооруженный иждивением Солодовникова, купца Санкт-Петербургского. Главная его святыня (здесь неугомонные «кодаки» щелкают особенно часто.) – резная статуя Святителя Николая. Странно видеть католическую статую в православном храме! Существует предание, что Чудотворец приплыл ровно в полночь к монастырским берегам. Изображение Святителя раскрашено блеклыми с золотом красками. Старинные

туфли в цветах. В одной руке – меч, в другой – череп. На кудрявой голове – нерусская корона. Стоит статуя в золотом шкафу-раке с точеными дверцами. Когда с легким скрипом открываются они – Святитель кажется живым в полутьме...

На противоположном берегу, у затопленной баржи – всегда здесь словоохотливый отец Иона ловит рыбу, а больше любит отражением удочки в прозрачной воде – висит на сломанной бурей сосне кусок рельсы, повыше – большой ржавый гвоздь. Бьете гвоздем в этот своеобразный гонг и от пристани Никольского скита отчаливает за вами лодка...

Если вам захочется исключительного даже на Валааме покой, солнца и особого монастырского чая с домашним, чуть горьковатым хлебом – поезжайте на Порфирьевский скит. Далеко это, правда. Плывете вы долго по бесчисленным проливам – совсем бирюзовым – с надписями высеченными в скале: «Сооружена сия канава в 1859 г.» или «Сей мост сооружен игуменом Дамаскиным с братиею» в 1842 году». Долго стираете вы длинными веслами острые крючки уключин. Устанете, может быть. Но зато ни один турист, «музейщик», до Порфирьевского скита не добирается. С детской улыбкой, радушно как сына родного, встретит вас настоятель скита, бывший игумен, о. Федор, спросите его: – «А много вас здесь, отец?» – И ответит монах с детской ласковостью: – «Было раньше до десяти отшельников, а теперь немного. Всего трое и осталось. Я, игумен Федор и две кошечки...» – Степенно войдут эти две кошечки – одна – бе-

лая, другая – черная – и будут с тихим урчанием есть крупную землянику...

Широко расходуется молва о «хозяине» Ковенского скита – отце Ефреме. «Хозяином» в монастырях называется настоятель отдельного скита. Славится о. Ефрем подвижнической жизнью и той глубокой, просветленной верой, которую вкладывает он, ловец человеков, в души исповедующихся у него. Много лет был он духовником Великого Князя Николая Николаевича, провел войну на фронте, шел с крестом впереди войск, снова вернулся в свою келью в отдаленном скиту. Уже с деревянной покосившейся пристани виден белый, византийского стиля храм-часовня, сооруженный Великим Князем в память воинов, павших во время великой войны. Ежедневно совершаются здесь службы о всех, за Веру, Царя и Отечество, живот свой положивших...

Отец Ефрем уже 43 года на Валааме. На нем одежда схимонаха: схимническая скуфья с белым крестом, такие же кресты и тексты из Св. Писания на рясе. Из-под насупленных бровей спокойно смотрят приветливые глаза. Длинная борода с проседью. Неподвижное, желтоватое лицо. В нескольких шагах от храма – могила, вырытая отцом Ефремом для себя самого. В бедной келье его вместо кровати – черный гроб с выжженным на крышке скелетом. – «А вам не жутко спать здесь?» – вырвалось у меня.

Улыбнулся отец Ефрем: – «Почему же жутко? Смерть – радость! Умерев, я увижу Христа».

На серых бревенчатых стенах много портретов, в том числе портрет Вел. Князя Михаила Александровича с надписью «Михаил, 1911». Черной змейкой брошены четки у другого портрета – Верховного Главнокомандующего. Читаю надпись, сделанную знакомым энергичным почерком: «Высокочтимому отцу Георгию. Николай, 27 июня 1914» До принятия схимы звали о. Ефрема – Георгием...

С заметной гордостью и любовью говорит схимник о духовном сыне своем, о непрекращающейся и поныне переписке с Великим Князем. – «Молюсь о нем всегда. Да укрепит Господь его силы на благо родины...» И я почему-то вспоминаю, что в ризнице монастыря хранится хоругвь князя Пожарского, эпохи Смутного времени. Вероятно, немало иноков и мирян и тогда молилось о ниспослании побед доблестному вождю, как молятся они и теперь, в черные годы новой смуты...

К северо-востоку от монастыря в семи верстах, высоко вздымает свои угрюмые отвесные скалы «Святой остров». На старинных картах значится он под именем «Старого Валаама». Может быть, именно отсюда «пошла бысть» земля ваалаамская...

Причаливаю ко всему крохотному: пристани, маленькому кресту на круглом камешке, совсем детской, игрушечной часоулке, узкой тропинке вверх – к вершинам елей, в небо. И еще грандиознее кажутся оголенные горы с совершенно отвесными скатами, падающие в Ладугу.

Куда идти? Тропинка, взбежав круто, растекается по четырем направлениям. Пойдешь направо – в озеро упадешь, налево... – Ау-у-у... Гулким грохотом расходится крик. Музицируют комары. Отгоняю этот назойливый оркестр папирозой, спрятав ее, по-гимназически, в рукав – не увидели бы отцы, не сочли бы «музейщиком»...

Через несколько минут показывается из-за уступа совсем дряхлый инок. Осторожно ставит он нетвердые ноги на сухие иглы сосен, золотом песка обильно пересыпанные, долго смотрит на меня слезящимися глазами. – «Православный?» – Чувствую: спросил на-авось. Какие тут православные теперь!.. Отвечаю, подходя под благословение: – «Православный. Простите, отец, что потревожил. Заблудился бы я без проводника». Старик крестит меня дрожащей рукой и говорит, волнуясь с живой и теплой радостью: – «Господи, кои веки... Спаси Вас Бог. Забыты мы тут... Родного человека по году не видишь... Проходите, миленький...»

Как уже знакома мне эта радость иноков, оторванных и отрываемых от всего русского. В каждом скиту – и чем дальше от монастыря скит, тем настойчивее – спрашивают с тревожной надеждой: «Православный?» Иногда плачут. Другие выпытывают: – «Не из России ли? Как там? Господи?..»

Взбираемся на гору. Белая деревянная рука с дощечкой: – Дорога к пещере.

– Идем над обрывом. Вижу, далеко внизу – озеро. Высота такая, что чуть видны белые барашки Ладого. Над головой

– свисающие глыбы гранита. Вот-вот рухнут... Монах медленно постукивает посохом, говорит: – «А дорожку-то кругом острова один инок выдолбил. Встанет с солнцем и над пропастью трудится, расщелины камнями заваливает. Песочком раньше было посыпано. Да ветром сдуло нонче, песочек-то...»

Первым насельником «Святого острова» был Святой Александр Свирский. Пришел он в монастырь в 1474 году юношей. Много лет подвизался на диком острове Валаама. По Божьему зову ушел на реку Свирь, основал на берегах ее монастырь, где и преставился в 1533 году. В пещеру его, тщательно сохраняемую братией и вел меня старик. Жил Св. Александр в расщелине скалы, углубив ее немного.

Перед этой гранитной келией – трехсаженный деревянный крест. Двери нет. Есть длинный, узкий и низкий коридор, в граните выдолбленный. С трудом вползаю в келью, держа в руке свечу монастырского, желто-коричневого воска. Неземной свет горел в душе Св. Александра, раз жил он в каменном мешке, в полную тьму брошенном. Ни солнце, ни луна не попадают сюда. Тускло мерцают иконы древнего письма, одну из них принес святитель из дому, из пределов Олонецких, от берегов реки Ояти. Кровать из неотесанных камней. Каменный стул...

Выползаю из пещеры, полной грудью вдыхаю острый, чуть дурмящий хвойный аромат. Какая красота на земле Твоей, Господи!.. Еле колыхаются миллионы игл на сосновых ветках.

Каплет румяное, вечернее солнце сквозь колеблющуюся сетку этих душистых стрел, на песке расцветают розовые капли райскими цветами.

Вздрагивают золотые, совсем шелковые стружки на стволах прямых, как дороги к Богу, сосен. Небо на востоке ещё дневное, синее, на западе – огромный и огненный веер заката...

Вспоминаю стихи «Размышления у солнечных часов», только что встреченные у каменного столба:

«...Время мчится вперед, час за часом идет непреложно,
И вернуть, что прошло, никому, ни за что невозможно.
Береги каждый час: их немного у нас для скитанья,
И клади на часы, вместо гирь на весы – покаянье...»

Но ни вспоминать, ни говорить не хочется. Как не хочется заносить на эти дорожные листки, не хочется писать за тридцать земель о том, что взволновало весь Валаам волнением острым, обоюдо-раздражающим – о новом и старом стиле. О том, что старостильники – их всё же большинство – давно уже не ходят в храмы, «оскверненные» новым стилем, что, сохранив небольшой запас прежде освященных даров, служат они в лесу, повесив икону на сосне, и этот уход в новые катакомбы, оваян какой-то страстной верой в свою правоту, что не поколебать этой веры ни каким хитроумным софизмам, никаким посулам... Старостильников «раздева-

ют». Снимают клобуки, одеяние схимническое, рассылают по дальним скитам. Многих судили за «ересь» и непослушание, часть выслали за границу. Будут судить еще и еще... Потрясенный небывалой еще на Валааме смутой, спросишь порой:

– Ну «разденут» вас всех, отец, выгонят с родного острова. Что же станет с монастырем? Погибнет, ведь святая обитель! И все тот же страстный ответ:

– Пусть гонят! Основоположники валаамские и мы сами пришли сюда в монастырь не остров и его богатства спасать, а душу свою спасти...

В монастыре звонят к вечерне. Низкий стон колокола, нарастая, бьется в гранит медным прибоем. Мой проводник, тоже «раздетый» – долго крестится, думая о чем-то, говорит: – «А какой слух из России идет?.. Когда там опять по Божьему станет?..»

Что я скажу ему?..

Валаам, 1926

Опубликовано: «Русский рубезж». 1991. № 7.